

Предисловие

Предлагаемые читателю малоизвестные воспоминания о Коломне и Коломенском уезде 1830-х годов являются частью обширных мемуаров Николая Ивановича Мамаева, опубликованных в 1901 году под названием «Записки Н. И. Мамаева» в историко-литературном журнале «Исторический вестник» (т. 83–86). Не переиздававшиеся более ста лет, они неизбежно нуждаются в самом общем представлении, равно как их автор.

По сведениям профессора Казанского университета Д. А. Корсакова, публикатора «Записок» и автора предисловия к ним, Николай Иванович Мамаев (1815–1885) происходил из дворян Новгородской губернии — потомков служилого татарского князя Кингильдея Камая Маматова (его род поселён Иваном IV в Новгородской земле в XVI веке). Отец Н. И. Мамаева, Иван Данилович (1781–1864), моряк, служил в казанском Адмиралтействе; женившись в Казани на дочери местного помещика, он вошёл в число дворян Казанской губернии. Николай Мамаев получил домашнее образование, пробыв короткое время в Санкт-Петербургском горном кадетском корпусе, и в возрасте 16-ти лет поступил на отделение нравственно-политических наук (позднее — юридический факультет) Казанского университета, курс наук которого окончил с серебряной медалью в 1833 году. По совету старшего брата он предпочёл военную службу статской

*Гербъ рода
Мамаевыхъ*

и в 1834 году стал юнкером Оренбургского уланского полка; со временем был произведён в корнеты, а через три года — в поручики. В 1838 году Мамаев получил назначение адъютантом к волыньскому губернатору А. П. Маслову (приятелю отца), сохранил он эту должность и при новом губернаторе — Г. С. Лашкарёве. В 1842 году назначен старшим адъютантом казанского военного губернатора С. П. Шипова, одновременно получив чин штаб-ротмистра. В возрасте 28 лет Мамаев женился в Казани на дочери генерал-майора Дурасова. В 1846 году вышел в отставку

с чином майора и с этого времени жил в Казани и в своём нижегородском имении в сельце Ледыри. Некоторое время он принимал участие в деятельности Казанского губернского земства в качестве гласного и члена губернской земской управы.

Сложно определить, когда были составлены мемуары — профессор Д. А. Корсаков датирует черновые наброски «Записок» началом 1840-х годов, т.е. временем службы Мамаева в Житомире. В 1871 году они окончательно редактируются и получают авторское заглавие «Моя жизнь перед лицом потомства, написанная мной самим».

Текст «Записок» (к сожалению, неоконченных) охватывает жизнь Мамаева с 1815 по 1842 год, т.е. от раннего детства и вплоть до отъезда из Житомира в Казань. Несомненный писательский талант Мамаева позволил ему избежать опасности изложения событий далёкой молодости в виде скупой, в лучшем случае — комментируемой, хроники. Его мемуары имеют выраженный беллетристический характер и, не теряя жанровой специфики, являются полноценным литературным произведением. Сильная, а для историков весьма важная сторона «Записок» — чрезвычайное внимание автора к повседневности, деталям быта, взаимоотношениям с людьми разного социального положения, нравам «николаевской эпохи» в целом.

Что касается интересующих нас коломенских сюжетов, то они представлены в разделе о четырёхлетнем пребывании Мамаева в Оренбургском уланском полку, расквартированном в Коломне и Коломенском уезде. Здесь придётся предупредить взыскательного коломенского читателя — он не обнаружит в «Записках» картин городской жизни, перечня занятий жителей или впечатлений от памятников старины (исключением являются слова о «парчёвых фабриках», яблочной пастиле и местах заработка молодых мужчин села Мячково). Это и неудивительно: ведь автор, погружённый в армейскую среду и стремящийся быстрее овладеть навыками кавалериста-улана, основное внимание уделяет перипетиям военной службы — манёврам, конным переходам, урокам верховой езды, так-

тическим занятиям на местности, отношениям внутри офицерской корпорации, а также развлечениям в свободное от служебных обязанностей время. Справедливости ради заметим, что на страницах, посвящённых «уланскому периоду», Коломна и коломенские приметы упомянуты довольно часто — это и полковые объекты в городе (гауптвахта), и места дислокации эскадронов в уезде (Бачманово, Мячково, Кривякино).

Другой значимой для Мамаева темой является свободное времяпрепровождение офицеров-сослуживцев. И мемуарист исторически точно увязывает её не только с карточными играми на служебных квартирах, но и с описанием развлечений коломенских помещиков, которые в силу общего дворянского происхождения поддерживали тесные личные и семейные связи с бравыми уланами. Это были как устраиваемые хлебосольными владельцами имений праздники с приглашением соседей-помещиков, офицеров и юнкеров, так и «танцевальные собрания» в Коломне, организуемые офицерами Оренбургского полка «по подписке». Приводимые автором подробности увеселительных мероприятий уникальны применительно к Коломне — из «Записок» мы узнаём о статусе присутствовавших лиц, обязательном осмотре хозяйства помещика (псарня, конюшня, скотный двор), церемониях обеда и послеобеденных танцев, кулуарных разговорах, музыкальном сопровождении (роговая музыка), названиях и порядке объявления танцев («танцы начинались неизменным польским, сменялись вальсами и кадрилими и оканчивались мазуркой и котильоном»), мастерстве танцоров, предлагаемых напитках (шампанское). И если нам заранее неизвестно, что всё происходит в провинции, то принципиальных отличий от аналогичных праздников в губернских городах мы не обнаружим.

Будучи в описываемое время двадцатилетним молодым человеком, Мамаев пережил в Коломне серьёзное увлечение дочерью местного помещика П. А. Павлова. Этой интриге в сочинении уделено довольно много места, и мемуарист весьма откровенен в описании как своих чувств, так и обстоятельств юношеского романа.

Давая самую общую оценку «Запискам» Н. И. Мамаева, подчеркнём, что в них присутствует весьма ценная информация, далеко выходящая за пределы традиционных описаний Коломны. Если же определить публи-

куемые мемуары в контексте источниковой базы по истории Коломны первой половины XIX века, то, во-первых, они несомненно послужат серьёзным подспорьем в изучении коломенского социума дореформенного времени и существенно дополняют произведения таких общепризнанных авторов, как И. И. Лажечников и Н. П. Гиляров-Платонов. А во-вторых, ещё раз подтверждена перспективность поиска новых источников (даже условно новых, позабытых), введение которых в научный оборот всегда способствует открытию неизвестного или переосмыслению устоявшихся взглядов на историю родного края.

Публикуемый фрагмент «Записок» Н. И. Мамаева охватывает довольно краткий период его службы в Коломне — с февраля по май 1834 года. Такого рода хронологическое ограничение вполне оправданно — основные характеристики Коломны и коломенского общества приведены автором именно здесь, а последующие воспоминания о его службе в полку изобилуют описаниями дальних и ближних манёвров, деталями семейных отношений, критическими оценками различных персон, размышлениями о времени и о себе. Исключением является сюжет о развитии романтических отношений Николая Мамаева с Верой Павловой, который в кратком виде приведён в «Послесловии».

При воспроизведении текста «Записок», для удобства читателей, было опущено деление по главам. Публикация выполнена с учётом действующих правил издания и правописания; датировки приведены по старому стилю. Устаревшие и специальные термины, малоизвестные имена, географические пункты и исторические обстоятельства прокомментированы в примечаниях.

...Вскоре был получен приказ — выступать на новые зимние квартиры¹: штаб полка переводился в город Коломну Московской губернии, а эскадроны располагались в уезде города. По составленной дислокации, нашему второму взводу пришлось стоять в селе Луково-Мячково, названном так в отличие от другого села Каменного Мячкова, находящегося в Бронницком уезде, недалеко от Боровского перевоза, при котором французы, при выступлении своём из Москвы в 1812 году, имели первую упорную стычку с нашими войсками. Село Каменное Мячково славится своими каменоломнями, из которых добываются мельничные жернова, известные во всей России.

Перед отправлением нашим в Коломенский уезд, мы съездили в Москву проститься с матерью. Расстояние, теперь нас разделяющее, должно было увеличиться и лишить возможности частых свиданий.

Нашему взводу велено было собираться на эскадронном дворе, т.е. где жил Кондратенко², как в селении, лежащем на пути следования. Мне же, как «новичку», дозволено было следовать при обозе, со своими

¹ До середины февраля 1834 года штаб и часть эскадронов Оренбургского уланского полка располагались в селе Красная Пахра Подольского уезда Московской губернии (ныне — село в составе Троицкого административного округа Москвы).

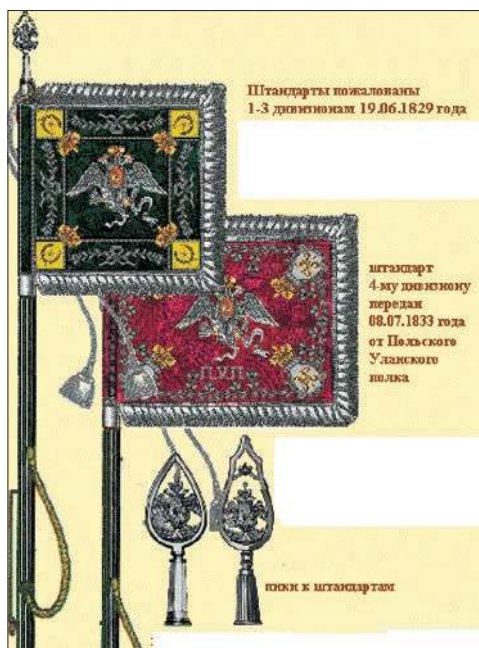
² Кондратенко Карп Захарович — ротмистр, командир эскадрона Оренбургского уланского полка.

вещами, а Брильянта моего тоже, как новичка по службе, повели «в поводу» при взводе³.

На эскадронном дворе я встретил и других наших офицеров: командира 1-го взвода Фаминцына, которого я уже видел у Стойделя⁴, и 4-го — Троядия Карачарова. 8-й взвод, не имея офицера, управлялся вахмистром. Тут же я встретил и других юнкеров, моих товарищей, с которыми тотчас и познакомился. Когда всё было готово к выступлению, вышел Кондратенко, скомандовал: «Садись!» — и эскадрон, по два в ряд, тронулся в путь. Впереди его шли два крестьянина-проводника до большой дороги: то были колонновожатые. За эскадроном тронулся и я.

Выйдя на большую дорогу, эскадрон остановился, пропустил обоз вперёд, чтобы мы могли заранее прийти на ночлег и приготовить пищу. Где рысцой, а где и шагом, весь наш вагенбург⁵ двигался под моим непосредственным начальством. Дойдя до селений, назначенных для ночлега, мы при въезде были встречены квартирьерами, указывавшими наши временные помещения. Через час времени пришёл и эскадрон. Пообедали, отдохнули и вечером все собрались у Кондратенко «играть в муху»⁶.

На другой день, рано, до выступления эскадрона, отправился обоз. Так как нам следовало идти всё по большой почтовой дороге⁷, то мы и не могли сбиться со своего пути. Прежним порядком были встречены

Штандарты пожалованы
1-3 депутатам 19.06.1829 года

штандарт
4-му депутату
перелаз
08.07.1833 года
от Польского
Уланского
полка

попки к штандартам

³ При поступлении в полк юнкер Н. И. Мамаев купил, по рекомендации командира полка, молодую необъезженную лошадь Брильянт, но для обучения верховой езде ему предоставили казённую лошадь Мамонт.

⁴ Квартирмейстер Орловского уланского полка.

⁵ Вагенбургом мемуарист называет походную колонну своего полка, включавшую не только собственно конницу, но и множество крытых повозок. В военном деле XV–XVIII веков под вагенбургом понималось подвижное полевое укрепление из повозок, занимавших круговую оборону для отражения атак кавалерии противника.

⁶ «Муха», «мушка» (от фр. mouche) — карточная игра, модная в дворянской и военной среде первой половины XIX века; сопровождалась обычно выпивкой (отсюда известное выражение быть «под мухой» — т.е. нетрезвым).

⁷ Речь идёт об Астраханском тракте, связывавшем Москву с Астраханью и проходившем через Коломну.

квартирьерами, отправленными ещё накануне, и расположились на «дневку», т.е. провели на месте весь следующий день, что, по положению, предписывалось для сбережения лошадей и сохранения их в «теле».

На четвёртый день выступили тем же порядком, имели ночлег и на следующее утро, на повороте с большой дороги в назначенные нам постоянные квартиры, встретили ожидавших нас квартирьеров.

Один из них, отделившись от прочих, шёл с нами, указывая дорогу. Таким образом, на пятый день нашего выступления пришли в Луково-Мячково, сделав всего около 90 вёрст.

В селе Луково-Мячкове, принадлежавшем, кажется, графине Литта, считалось до тысячи душ⁸. На такое количество обывателей разместились: эскадронный двор и 2-й взвод, всего в количестве не более 40 человек. Такое обширное помещение доставило всем роскошь, редкую в военном быту: каждый из офицеров и юнкеров имели по две квартиры (избы), одну занимали сами, в другой рядом помещались прислуга и кухня. Солдаты расставлены были на 6–7 дворов по одному, и они, по очереди, переходили из одной избы в другую. Для помещения лошадей вотчинная контора уступила длинный деревянный сарай, в котором прежде помещалось сено. В сарае этом прорубили, где было нужно, окна, поделали стойла, и вышла отличная тёплая конюшня. Для манежа был огорожен соломенными щитами довольно значительный четырёхугольник земли. В нём люди обучались одиночной верховой езде и выезжали молодых лошадей.

Из этого видно, что помещение, как для людей, так и для лошадей, было более чем роскошное, тем более ощутительное, что прежде в Московском уезде при тесном помещении терпели много неудобств.

Квартира наша помещалась наверху двухэтажной избы (низ занимали хозяева) и состояла из двух комнат: прихожей, в одно окно, и большой — в два окна; голландская печь в изразцах лежанкой и топкой выходила в прихожую, а стенкой — в наше помещение. Кухня и люди помещались рядом, в другой избе, на дворе, где в тёплом омшанике⁹ стояли наши упряжные лошади, а под навесом экипажи.

По прибытии в Мячково я занялся серьёзно службой, чтобы быть вполне готовым к шестимесячному сроку производства в офицеры, по праву, предоставленному университетским аттестатом. Остальное время я посвящал изучению верховой езды.

В одно из моих учений верховой езды был со мной случай, могший кончиться для меня очень дурно.

⁸ Мемуарист обоснованно не уверен в принадлежности села графине Е. В. Литта (урождённой Скавронской). В описываемое время графини уже не было в живых (скончалась в 1829 году), а её коломенские имения, в том числе Мячково (село 1-го стана Коломенского уезда в 12 верстах от Коломны), перешли к наследникам; в начале 1840-х годов селом владела княгиня Е. П. Багратион, вдова знаменитого генерала П. И. Багратиона. Затем оно было куплено казной и с 1847 года находилось в ведении Министерства государственных имуществ. В середине XIX века Мячково насчитывало 190 дворов, 575 душ мужского и 706 душ женского пола, здесь имелись сельское правление, церковь, церковно-приходское училище (ныне село находится в составе сельского поселения Радужное Коломенского района).

⁹ Омшаник — небольшое утеплённое помещение для зимовки пчёл.

Раз, вскоре после обеда, мне пришло желание ездить верхом. Узнав, что вахмистр Ильин, которому я был специально поручен, отдыхает, я разбудил его. С недовольным видом, что потревожили его сон, он пришёл в манеж и при одном повороте во время езды бичом ударил меня по спине, сказав: «Ах, извините! Нечаянно! Я хотел по лошади!»

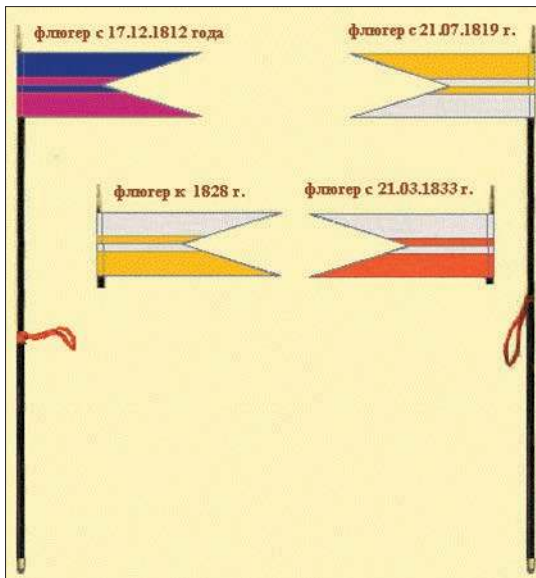
Поняв очень хорошо, что удар этот не был следствием неловкости, а прямо предназначался мне, чтобы выместить досаду прерванного сна, да и лошадь Муромец — умная и послушная, понимавшая даже слова команды, исполняя своё дело, никак не заслуживала наказания.

От боли и стыда я остановил лошадь, быстро соскочил с неё и, подбежав к Ильину, со всего размаха ударил его по щеке, проговорив: «Ах, извините! Я тоже нечаянно!»

Такая моя выходка, вполне нарушавшая военную дисциплину, — взводный вахмистр был некоторым образом всё-таки мой непосредственный начальник, — в те времена строгости могла кончиться для меня очень дурно, если бы Ильин вздумал «пожаловаться». Но, сознавая, может быть, и свою вину, он забыл мой удар, — я простил ему его. Но случай этот для нас обоих послужил уроком — в столкновениях наших быть благоразумнее. По крайней мере, с его стороны не было более попыток возобновлять что-либо подобное.

Искусство верховой езды вначале доставалось мне с трудом и большой болью. От усилия держаться крепко на лошади ляжками я постоянно стирал их. К крови, сочившейся из стёртых мест, присыхало бельё; чтобы отделить его без большой боли, нужно было прибегать к помощи тёплой воды и смачивать. Такое мучение продолжалось довольно долго, пока я не выучился твёрдо держаться на седле, без особых усилий ляжек, а только одним равновесием.

В то же время, когда я обучался верховой езде, и моя лошадь Брильянт подвергалась мучениям выездки. Говорю — мучениям, потому что тогда был принят метод обучения, состоящий в траверзах, ранверзах, разных боковых движениях, сильной на курц-галопе¹⁰ осадке назад,

¹⁰ Траверз (траверс) — боковое движение лошади головой к стенке манежа; ранверз или ранверс (в противоположность траверзу) — боковое движение лошади головой от стенки манежа; курц-галоп (курцгалоп) — дословно *короткий галоп*, т.е. ход лошади, при котором она скачет галопом, делая мелкие шаги.

отчего лошади слабели задними ногами, и т.п. Обучением Брильянта занимался тот же Ильин, и — надо отдать ему справедливость — выездил его прекрасно. Часто впоследствии, сидя на Брильянте верхом, я брал поводья в зубы, руки складывал на спину, и одними шенкелями заставлял его «писать вензеля» в манеж. Брильянт имел «высокий» ход, но был невыразимо трясок на ходу. На «церемониальных» маршах было ещё сносно, но на полковых ученьях, продолжавшихся, обыкновенно, довольно долго, тряскость его была мучительна; с таких учений я всегда возвращался весь разломанный. Брильянт знал мой голос, обыкновенно откликался ржанием, когда я звал его. Я часто ходил к нему в стойло и кормил хлебом. После этого он морду свою совал ко мне в карман, заранее уверенный, что там найдёт себе лакомство — сахар. Вообще был послушен, но получил одну скверную привычку, от которой я, при всём старании, не мог отучить его никогда. Раз, в начале своего обучения выезде, он как-то зубами развязал повод. Почувствовав свободу, вырвался из конюшни и выбежал на улицу. Навстречу ему попала крестьянская лошадь, серой масти, мирно щипавшая траву. Вмиг он бросился на неё и вцепился зубами; сбежавшиеся уланы с трудом оттащили его от лошади и привели обратно в конюшню. С того времени Брильянт не мог видеть равнодушно лошадей серой масти. Бывало, во время «церемониальных» маршей, как только поравняется с трубачами, которые сидели на серых лошадях, так и норовит направиться к ним: чуть оплошал, он уже «цапнул» крайнюю лошадь.

В свободное от служебных занятий время я ходил к Кондратенко играть в «муху»; ездил с братом¹¹ к другим офицерам, те, в свою очередь, приезжали к нам; таким образом шло у меня время.

В Луково-Мячково, как и во многих селениях России, существовал обычай: в зимние вечера составлять посиденки, или, как мы их сокращённо называли, поседки. Посиденки для прекрасного крестьянского пола были то же, что наши дамские клубы, только с разными оттенками.

Обыкновенно, для посиденок избиралась просторная изба, преимущественно какой-либо вдовы, ещё лучше бездетной. В такую избу зимними вечерами собираются из соседних домов крестьянские девки, со льном и гребнями, и, распевая песни, прядут. Но это составляет наружную сторону посиденок. Настоящая причина заключалась в том, что к девкам присоединялись парни, приносившие лакомства, начинались угощения и разные игры.

В Луково-Мячкове, как и в других местностях Коломенского уезда, по малоземелью все взрослые парни уходили на «заработки» — или в Коломну на «парчёвые фабрики», которыми славился город (да ещё яблочной пастилой), или в Москву, и возвращались в свои дома на непродолжительное время на масляной неделе, Пасхе, к уборке сена и на Святках. В прочее время в селениях оставались только стар да млад. Поэтому посиденки в Луково-Мячкове носили свой особый

¹¹ Мамаев Пётр Иванович (род. в 1813 г.) в описываемое время служил в Образцовом кавалеристском полку, один из взводов которого был расквартирован в деревне Андреевка, в 40 вестах от Москвы; это позволяло П. И. Мамаеву время от времени приезжать в Коломну, в Оренбургский уланский полк, к брату Николаю.

характер: на них было отсутствие мужчин. Такое состояние — лафа для военных.

Скоро по нашем приходе юнкера, этот «тонкий» народ, чутьём отыскивающий подобные «увеселительные» сборища, открыли один из таких домов с посиденками и повадились похаживать туда каждый вечер. Солдаты, сунувшиеся было туда же, увидя, что место занято «дворянчиками», отхлынули дальше искать таких же вечеринок. Таким образом, мы остались одни полными хозяевами избранных нами посиденок.

Прочие юнкера, чтобы лучше и скорее прельстить своих Дульциней, одевались франтами, в «тонкий» мундир, распуtywали на груди свои витешкеты¹². Я же принял совершенно противоположную систему: на подобные вечера всегда надевал солдатскую шинель в рукава. В такой одежде я возбуждал в прекрасном деревенском поле большую жалость к себе. Видя меня в шинели, с волосами на голове, остриженными под гребёнку, с едва пробивающимися усами, девки принимали меня за простого солдата и говорили:

— Ах, касатик наш! Такой молоденький и отдан в солдаты! Как нам жаль тебя! Чай, тебе очень трудно?

Наступила весна, в поле места возвышенные пообсохли, на них начали производиться эскадронные учения, и конные, и пешие.

В конце апреля получен был приказ собираться полку на «кампанмент», т.е. все эскадроны должны были сгруппироваться около штаба полка и разместиться вблизи города Коломны на «тесных» квартирах. Нашему восьмому эскадрону, по расписанию, досталось стоять в деревне Бачманове, верстах в шести от Коломны, при впадении реки Москвы в Оку и не в дальнем расстоянии от Голутвина — мужского монастыря. Местность была преживописная!

Мы расстались с Луково-Мячковым — и навсегда. По приходе на новую квартиру начались «полковые» ученья. <...>

День 15-го апреля 1834 года памятен для меня по моей, по счёту, пятой любви.

Коломенский помещик С. В. Крюков праздновал день именин своей жены, для чего пригласил офицеров и юнкеров в своё имение, отстоящее на несколько вёрст от города¹³.

Я отправился к нему с братом. Подъехав к крыльцу дома, мы увидали, что весь почти двор был заставлен экипажами всевозможных видов и размеров, начиная каретой и кончая простой троичной телегой, на

¹² Витишкет — золотой или серебряный шнурок у кавалеристов, прикрепляемый к киверу (головному убору) и обвивающий шею.

¹³ Мемуарист неточен в передаче инициалов помещика Крюкова (С. В.). На самом деле речь идёт о мичмане Василии Сергеевиче Крюкове, имение которого находилась в 10 верстах от Коломны в сельце Павлево 1-го стана Федосьинской волости Коломенского уезда (ныне в составе Проводниковского сельского поселения Коломенского района); в середине XIX века здесь насчитывалось 36 дворов с проживающими 144 душами мужского пола и 135 — женского пола.

каковой и мы сами приехали¹⁴. То были экипажи гостей, предупредивших нас своим приездом.

Войдя в залу, я встретил трёх-четырёх барышень, чинно расхаживавших в ряд, взявшись под руку. Одна из них при виде меня вскрикнула: «Ах!» и выступила было вперёд, как бы идя навстречу, но тотчас же остановилась, вспыхнув ярким румянцем и устремив на меня изумлённые глаза. Тут я мог вполне рассмотреть её. То была «сильная» брюнетка, лет семнадцати, с большими выразительными чёрными глазами и, — что удивительно у брюнетов, — имела необыкновенную белизну лица с живым нежным румянцем на щеках. Высокого роста, необыкновенно стройна и тонка в талии.

Впоследствии талию её я сжимал обеими руками, и концы моих пальцев едва-едва не сходились вместе. При всём этом она имела прекрасный бюст с малоразвитыми формами. Портила её несколько нижняя часть лица: она имела острый подбородок.

Поняв своё неловкое положение при виде незнакомого мужчины, моя красивая брюнеточка быстро скрылась в гостиную, где я увидел её сидящую рядом с дамой, которую, по фамильному сходству лица, я принял за её мать, в чём и не ошибся, как оказалось впоследствии.

При моём появлении для приветствия хозяйки дома обе они не спускали с меня своих удивлённых взоров и о чём-то перешёптывались между собою. Брюнетка, сколько своей красивой наружностью, столько же и самой странностью нашей встречи, как и следовало ожидать, произвела на меня сильное впечатление, и постоянно устремлённые на меня её глаза льстили моему самолюбию, обещая впереди много наслаждений... Только я никак не мог объяснить себе: отчего она при виде меня ахнула? И почему я служу ей и матери её предметом заметного удивления? Впоследствии всё мне стало ясным; теперь же я узнал, что она дочь коломенского помещика П-ва¹⁵ и что зовут её Верой.

После сытного завтрака, залитого порядочным количеством вин и домашних наливок, настоянных на разных ягодах, хозяин, страстный собачий охотник, повёл мужчин на псарню показывать своих гончих и борзых.

Мне очень хотелось остаться в доме, подойти к Верочке, заговорить с ней; в голове моей вертелась и вступительная для того фраза; но здесь я должен упомянуть о странном свойстве моего характера, не покидавшем меня никогда: как я был смел и находчив с женщинами, к которым был равнодушен, так, напротив, робел и терялся на первых порах в присутствии тех, которые мне нравились. Подчинившись и на этот раз своему недостатку воли и видя, что все товарищи мои уходят, я полплёлся за всеми со скрытой досадой выслушивать похвалы хозяина той или той собаке, подробное исчисление свойств и достоинств такой суки или такого кобеля. При моём душевном настроении, казалось, не предвиделось конца осмотра всех заведений нашего причудливого хозяина...

¹⁴ Троичная телега — рыдван, большая или троичная извозная телега грузоподъёмностью до ста пудов; приезд братьев Мамаевых в имение Крюкова на такой телеге был связан со строгим запретом юнкерам пользоваться любыми экипажами (т.е. колясками, каретами, дрожками и др.).

¹⁵ Речь идёт о подполковнике Павле Артёмовиче Павлове.

Наконец, осмотрев конюшни, скотный двор и другие постройки, столь необходимые в сельском хозяйстве, но в то время казавшиеся мне совершенно излишними, мы вернулись в дом.

Думая беспрестанно о Верочке, я не на шутку влюбился в неё и, таким образом, вступив мысленно в фазис сердечных отношений с любимой мной женщиной, я, по выше объяснённому свойству моего характера, впал в своё обычное положение, т.е. сделался робок и не имел настолько мужества, чтобы выполнить своё прежнее предположение — подойти к Верочке и заговорить с ней; забыл даже заранее приготовленную фразу для начала нашего разговора. Таким дураком просидел я молча всё время до обеда, не смея долго останавливать своих глаз на Верочке, когда встречал её устремлённый на меня взгляд. За обедом случай — этот божок всех влюблённых — выпал на мою долю сидеть против Верочки и её матери. Обе они почти не спускали с меня глаз и вели тихо разговор явно обо мне.

Во время разных тостов за здоровье именинницы и хозяина дома я с умыслом выпил лишний бокал шампанского, чтобы в нём почерпнуть смелость, столь мне нужную для ожидаемого объяснения с Верочкой во время предстоящих танцев...

После обеда, как только очистили зал от столов, явились наши трубачи.

Роговая музыка¹⁶ очень хороша на открытом воздухе, но в комнате она резка, сильна для уха. Однако ко всему можно привыкнуть, и наши дамы легко переносили зычные звуки наших труб.

Зато роговая музыка в комнатах для влюблённых имеет особенность, ей только одной присущую, которую никакая другая музыка представить не может. Я хочу сказать, что трубы, оглушая своими звуками, позволяют в то же время очень хорошо слышать разговор сидящих друг к другу близко особ; но решительно делают это невозможным для тех, которые помещаются хотя бы и в небольшом отдалении. Этой-то особенностью роговой музыки мы умели превосходно пользоваться в танцах. Бывало, нашёптываешь своей даме разные любезности, а матушка, сидящая тут же, но несколько поодаль, как ни напрягает слуха, не может услышать ни одного слова, сказанного её дочке: всё покрывается гулом труб.

Танцы в то время начинались неизменным польским, сменялись вальсами и кадрилиями и оканчивались мазуркой и котильоном.

Пока все, и старые и молодые, тянулись длинной вереницей в польском, я напяливал на руки перчатки и, выждав, когда Верочка поравнялась со мной, идя в паре с каким-то старикашкой, пригласил её на первую кадриль. Находясь под влиянием выпитого мною лишнего бокала шампанского, я смело сделал своё приглашение. На моё счастье, она не была ангажирована и потому, кивнув мне слегка головой, очень мило, лаконически ответила: «Ваша!»

¹⁶ Роговая музыка — популярное в России в середине XVIII — первой половине XIX в. музыкальное исполнение на охотничьих рогах. Известны роговые оркестры при дворе Александра I, дворах видных сановников (Нарышкиных, Строгановых, Шереметевых и др.), в некоторых воинских частях.

По окончании польского, сделав один-два тура вальса с другими девицами, я выбрал себе место, уселся на стул, приготовив другой для своей дамы. Вот трубачи заиграли ригурнель французской кадрили. С сильно бьющимся сердцем я подошёл к Верочке, взял её за руку и привёл на приготовленное место.

Торжественная минута наступила. Когда мы уселись, Верочка первая начала говорить:

— Вам, я думаю, должно было показаться очень странным, чтобы не сказать более, и моё глупое, невольное вырвавшееся «ах!», и то, что мы с мамашей не могли первое время оторвать от вас своих глаз?

— Да! Не скрою от вас. Вы сильно меня поразили.

Слово «сильно» я произнёс с особым ударением голоса, как бы подчёркивая, давая тем понять сказанный мной эквивок. Можно было понять двояко: был ли я сильно поражён её невольным вырвавшимся восклицанием или её пышной, красивой наружностью?.. Я желал, чтобы ответ мой поняли в последнем смысле, и, кажется, достиг своего, потому что Верочка улыбнулась самодовольно и очень мило; но при этом, увы, показала свои не совсем ровные зубы. Полное совершенство не есть удел человека! Затем продолжала:

— Я вам объясню всё. Вы поразили меня необыкновенным сходством с моим старшим братом, Костей, который тоже служит юнкером, только в пехотном полку.

— Если природа была ко мне так милостива, что наградила меня счастливым сходством с вашим братом, то позвольте мне навсегда остаться им в вашей памяти.

Вот что иногда значит лишне выпитый бокал вина: без его посредничества я никогда не имел бы смелости высказать подобную мысль! Верочка, сделав вид, как будто не поняла моего намёка, продолжала:

— Когда вы вошли, первой моей мыслью было, что Костя сюрпризом приехал к нам, и потому бросилась было к вам навстречу; но, к счастью, скоро опомнилась, сообразив, что только одно сходство ваше могло меня ввести в такую ошибку. Сознайтесь, вы, я думаю, приняли меня за дурочку?

— Напротив, — за ангела!

— Да не только я одна, но и папа, и мама тоже были поражены этим сходством. Посмотрите! Они и теперь не спускают с вас своих глаз.

— Какое мне дело до других! Я желаю только в одних ваших глазах сохранить это сходство со всеми преимуществами брата...

Шампанское, как видите, придало мне и смелость, и разговорчивость.

На этот раз намёк мой сделан был слишком ясно, чтоб не понять его. Посмотрев на меня удивлёнными глазами, Верочка, не знаю, с какой целью, сделала мне вопрос:

— Который вам год?

— Двадцать второй, — бухнул я, не задумавшись и не краснея от лжи, хотя, по правде, мне шёл только двадцатый год. Но я прибавил себе лета с целью показать ей, что зародившееся во мне чувство к ней не есть порыв юноши, но зрелое сознание молодого человека.

Верочка продолжала:

— Не может быть! Судя по вашему лицу, вы должны быть очень ещё молоды, притом у вас усы начинают только пробиваться.

— В этом я совершенно похож на вашего брата, — ответил я наугад, не зная даже, есть ли усы у её брата и сколько ему лет. — Только с сегодняшнего дня я начинаю благословлять судьбу за то, что она дала мне мою наружность, и я мог тем возбудить внимание такой прелестной особы, как вы!

Верочка снова посмотрела на меня удивлёнными глазами и сказала:

— Странно, очень странно! А жаль, так молоды и так уже испорчены светом!

— Как это?

— Видя меня в первый раз, вы знакомство наше начинаете тем, что говорите мне такие пустые фразы.

— О, верьте! Всевозможные фразы, обращённые к вам, будут лишь слабым изображением истины!

Покачивая головой, Верочка сказала:

— А меня ещё уверяют, что молодость искренна.

— И вас не обманывают.

В таком роде продолжался разговор наш во время кадрили, прерываемый только фигурами танца. Находясь под влиянием шампанского и обаятельной красоты Верочки, я делался всё смелее и смелее, прямо намекая на возбуждённое ею во мне чувство, и вёл живой разговор, подстрекаемый её находчивым, гибким умом.

К концу кадрили я просил её на мазурку и котильон.

— Как? На оба танца? — ответила она, лукаво улыбаясь.

— Брату, не выдавшему так давно своей любимой сестры, извинительно желать — быть вместе с нею сколько возможно дольше.

— Разве что так? Извольте! Оба танца я танцую с вами!

На этом слове последняя нота кадрили замерла в воздухе, и я, счастливый и довольный, пожал её руку и, положив её на свою, просил представить меня матери.

Подойдя вместе к последней, Верочка сказала: — Вот вам, мамаша, двойник Кости; он желает познакомиться с вами, — и, отняв свою руку, отошла к другим девицам.

Отрекомендовавшись её матери, я уселся около неё. Начался обыкновенный в таких случаях разговор. Посыпались расспросы: откуда я? живы ли отец и мать? и т.п. С неба мечтаний и восторгов я опустился на землю житейской действительности и заговорил обыкновенным языком гостиных. Вскоре подошёл к нам отец Верочки, отставной, видный собой кирасир, делавший кампанию 1812 года. Оба они подтвердили сходство моё с их сыном. Откланиваясь, я получил ласковое приглашение посещать их, что я и обещал с радостью исполнить при первой к тому возможности.

Во время мазурки, ещё более котильона, Верочка, видимо, подчинялась новому, не испытанному ею ещё, как впоследствии оказалось, чувству любви... Постепенно стряхивая с себя осторожность, которой она, видимо, вооружилась против меня, сделалась ласковее, доступнее моим излипаниям чувств... Я получил право называть её «сестрицей» по праву сходства с её братом. К концу вечера отношения наши ещё более выяснились; я видел, что на мою привязанность отвечают взаимностью, но прикрытой родственным чувством, и мы друг друга называли не

иначе, как брат и сестра; я, со своей стороны, к слову «сестра» всегда прилагал эпитет «милая». За ужином мы сидели рядом и весело болтали, довольные друг другом.

Так прошёл для меня первый день моего знакомства с Верочкой, начатый так оригинально и кончившийся счастливой взаимностью.

Почти все гости остались ночевать у Крюкова. Для нас, мужчин, очистили флигель дома, настлали на полу сена, покрыли его коврами, из экипажей снесли все, какие нашлись, подушки¹⁷, и мы, вповалку расположившись на нашем импровизированном ложе, уснули крепким безмятежным сном счастливой молодости...

На другой день после завтрака все разъехались. Перед расставаньем я улучил минуту переговорить с Верочкой и спросить, когда же брат увидит свою милую сестру, которую он так сильно любит. Мне весело улыбнулись и обещали переехать из деревни в Коломну на время танцевальных собраний, устраиваемых офицерами по подписке, и которые продолжались, впрочем, недолго, окончившись скандалёзной историей для полка, как о том сказано будет в своём месте.

Наши танцевальные вечера устроились: Верочка переехала в город. В свободное от службы время я часто посещал её семейство. Тут я открыл в Верочке новые достоинства: она была хорошая музыкантша, играла на фортепиано и обладала приятным голосом меццо-сопрано, которому недоставало только обработанности.

Семейство её состояло из отца, матери¹⁸ и двух меньших братьев: Владимира и Николая. Старший — Константин, мой двойник, служил в каком-то пехотном полку нашего же корпуса и находился в Тульской губернии. Отец, ветеран 1812 года, был ещё бодрый, видный собой мужчина. Служил в кирасирах и, женившись, вышел в отставку и поселился в своём коломенском имении «Юренёво»¹⁹, предавшись всецело сельскому хозяйству.

Мать была женщина бойкая, сохранившая ещё следы своей красоты, но сварливая и жёлчная. Впоследствии, сделавшись коротким в их семействе, я понял эту женщину и возненавидел её за пустые, мелочные придирки к своей дочери, вина которой состояла в том, что она была молода и красивее её лицом.

На наших танцевальных вечерах первую кадрили и мазурку, эти альфы и омеги танцев, я всегда танцевал с Верочкой. Взаимность наша была замечена всеми и дала повод, как всегда бывает в подобных случаях, разным предположениям на наш счёт. Мы же, оба молодые, счастливые

¹⁷ Пассажиры экипажей обкладывались подушками для смягчения тряски на ухабах, рытвинах или ямах, которыми изобиловали тогдашние просёлочные (и не только просёлочные) дороги.

¹⁸ Варвара Ивановна Павлова, урожд. княгиня Хованская (выпускница Смольнинского института благородных девиц, 1809 г.).

¹⁹ Юренёво — сельцо 2-го стана Бояркинской волости Коломенского уезда в 22 верстах от Коломны (с 1929 года — в составе Озёрского района, в настоящее время не существует); в середине XIX века насчитывало 5 дворов с проживающими 17 душами мужского пола и 16 — женского пола. Подполковник П. А. Павлов владел этим сельцом наряду с домом в Коломне.

своей любовью, блаженствовали, не обращая внимания ни на мир, нас окружающий, ни на пустые толки праздных людей. Слово «люблю» давно было произнесено между нами, и мы, продолжая называть друг друга братом и сестрой, очень хорошо понимали, что узы, нас связывающие, были не родственные.

Так мы блаженствовали, как вдруг и неожиданно последовал удар грома, от которого собрания наши распались... В нашем полку был поручик Н. П. Колюбакин²⁰, молодой человек с прекрасным образованием, обширным умом, но горячего, вспыльчивого характера и неблагоразумного в минуты своей «вспышки». Он служил в лейб-уланах, но за дуэль, которой, впрочем, не допустили совершиться, из гвардии был переведён в наш полк тем же чином. Этот-то Колюбакин и произвёл гром, разрушивший наши танцевальные собрания.

В бытность свою в Москве, Колюбакин в театре за что-то повздорил с гвардии конно-артиллеристом-ремонтёром Ватковским. Условились о месте свидания, но плац-майор²¹, присутствовавший в театре, развёл «наших петухов». Оба они, арестованные, были разведены по своим полкам. Вследствие этой истории Колюбакин содержался на нашей гауптвахте в Коломне под арестом.

Жена Крюкова, о которой я говорил прежде, была женщина разбитная. Проезжая мимо гауптвахты и видя Колюбакина, расхаживающего

²⁰ Колюбакин Николай Петрович (1811/1810/ — 1868) — генерал-майор, писатель, воспитанник Царскосельского лицея (1829); с 1830 года на военной службе. Участник подавления восстания в Польше 1831 года. За дерзость по отношению к командиру Оренбургского уланского полка в 1834 году осуждён, разжалован в рядовые и отправлен на Кавказ; в боях был несколько раз ранен. С 1856 года на военно-административных должностях на Кавказе — в Кутаиси, Мингрелии, Эривани (Ереване); с 1863 года — сенатор. По словам военного историка В. А. Потто, «везде, где появлялся Колюбакин, он вносил с собой неподкупную честность, неутомимое преследование лихоимства, взяток и всяческих несправедливостей. Бешеной вспыльчивостью своего характера, 3 раза доводившей его до дуэли, он был известен самому императору Николаю Павловичу, который называл его “немирным Колюбакиным” в отличие от брата его, Михаила Петровича, называвшегося “мирным”».

²¹ Конно-артиллерист-ремонтёр — офицер, занимавшийся конным ремонтом, т.е. пополнением и заменой конского состава воинских частей (в данном случае — артиллерии); плац-майор — помощник коменданта (иногда комендант) гарнизона крепости.

по платформе, она приказала остановить свой экипаж и рукой подозвала его к себе.

В разговоре она, между прочим, сказала:

— Как жаль, что вас сегодня не будет в собрании!

— Почему вы так думаете?

— Вы арестованы, вам нельзя!

— А вы желали бы видеть меня в собрании?

— Да!

— В таком случае я докажу вам, что для Колюбакина нет ничего невозможного. Я буду в собрании и заранее прошу вас на мазурку.

Вместо того, чтобы постараться отговорить Колюбакина от его столь безрассудного намерения, новая сирена с очаровательной улыбкой, пожимая руку на прощанье, сказала:

— С удовольствием. Смотрите же, не обманите. Я всем буду отказывать.

Этих так легко, так безрассудно сказанных слов было слишком достаточно, чтобы погубить Колюбакина. Никто ничего не знал тогда об этом разговоре: он происходил в присутствии единственного свидетеля — часового, и на французском языке.

Настал вечер. Ничего не предчувствуя, мы весело танцуем. Перед началом мазурки дверь в зал отворилась... вошёл Колюбакин. Все переполошились. Дамы, знавшие его горячий характер и предчувствуя «скандал», бросились разезжаться, и первая Крюкова, виновница всего происшедшего.

Полковой адъютант Бурков, при виде вошедшего Колюбакина, отправился в другую комнату, где играл в карты полковой командир²², и шепнул ему на ухо о случившемся. Евреинов, оставив игру и войдя в залу, где офицеры тщетно упрашивали Колюбакина возвратиться на гауптвахту, остановился против одного и строгим голосом спросил:

— Вы как сюда попали?

— Очень просто, полковник: пришёл ногами и вошёл в дверь.

Полковник, в свою очередь, тоже не последний «горячка», взбешённый таким неуважительно-насмешливым ответом, произнесённым притом весьма хладнокровным тоном, потерял чувство самосознания. Обратившись к музыкантам, он закричал:

— Тг' убачи! Взять его!

Военная дисциплина в то время соблюдалась очень строго и была развита до степени, не допускающей никаких рассуждений. Если бы полковой командир приказал изрубить офицера, и тогда солдаты ни на минуту не поколебались бы исполнить отданное приказание, несмотря на всё его безрассудство.

Трубачи, окружив Колюбакина, взяли его за руки. Полковник, подойдя к Колюбакину, сорвал с него эполеты, говоря:

— Вы остг'амили мундиг' пг' икосновешем к нему солдатских г'ук! Вы недостойны носить эполеты!

Колюбакин, мужчина высокого роста и сильный, одним движением плеч высвободился из рук трубачей и, прежде чем те вновь успели схва-

²² Речь идёт о командире Оренбургского уланского полка полковнике Илье Алексеевиче Евреинове.

тить его, взял полковника за лацканы и, прижав к стене, задыхающимся от злости голосом проговорил:

— Мерзавец! Ты не стоишь того, чтобы я ударил тебя. Не хочу марать рук о такую гадину!

Вся эта прискорбная сцена происходила так быстро, так неожиданно, что все окружающие, ошеломлённые ею, стояли как бы окаменелые, не двигаясь и не стараясь оказать помощи тому или другому, и молча смотрели на происходившее...

Полковник «подал рапорт» по команде о случившемся. Началось следствие. Колюбакин был отправлен в Москву, где при ордонанс-гаузе²³ наряжена над ним военно-судная комиссия. Все мы были в тревожном ожидании последствий, которые, во всяком случае, должны были иметь печальный исход. В таком настроении духа, конечно, нам было не до вечерних собраний, и они прекратились. По тогдашней строгости, с какою смотрели на всякое нарушение дисциплины, думали, что вина одного падёт на всех, тем более что большинство офицеров полка явно выказывали своё сочувствие Колюбакину. Думали даже, что раскassiруют весь полк. Но туча пронеслась мимо и разразилась в следующем году над корпусным командиром, князем Хилковым. Державный юпитер удержал на этот раз свои громы, чтобы тем сильнее направить их на князя²⁴.

По тогдашним порядкам, суд над Колюбакиным был продолжителен. Находясь под арестом, Колюбакин написал письмо государю, в котором, чистосердечно сознавая всю важность своей вины, умолял, как о милости, назначить его на Кавказ, чтобы кровью смыть с себя позор, нанесённый ему рукою полкового командира... Письмо это в списках ходило по рукам московской публики. По силе выражений и прекрасному слогу, оно извлекало невольные слезы... Наконец последовала конфирмация: Колюбакин разжалован в солдаты, но без лишения дворянского достоинства, в уважение заслуг и ран отца его, генерала, тогда уже умершего, и назначен на Кавказ, кажется, в Кабардинский полк²⁵, а полковник Евреинов за самовольный поступок — срывание эполета, дарованного высочайшей властью, лишается полка и переводится в Мариупольский гусарский полк, под команду младшего²⁶. Помню, тогда говорили, что такое лёгкое наказание Евреинову последовало вследствие ходатайства о нём фельдмаршала князя Паскевича, которому он как-то приходился сродни. Евреинов вышел в отставку, а Колюбакин на Кавказе дослу-

²³ Ордонанс-гауз — название комендантского управления, при котором действовали военные суды.

²⁴ Мемуарист намекает на увольнение в 1835 году командира 6-го корпуса Степана Александровича Хилкова, которое современники увязывали с резко негативным отношением князя к скандальному увлечению императора Николая I его сестрой Любовью Александровной (фрейлиной, женой флигель-адъютанта С. Д. Безобразова).

²⁵ Сомнения мемуариста справедливы — Н. П. Колюбакин был сначала отправлен в Нижегородский драгунский полк, из которого переведён в Тенгинский пехотный полк.

²⁶ В Мариупольский гусарский полк полковник И. А. Евреинов был назначен с понижением, т.е. под командование офицера, младшего его по званию.

жился до чина генерал-лейтенанта и умер в 1868 году в Москве, в звании сенатора межевого департамента.

Так разыгралась драма, началом которой послужили пустые слова пустой женщины... <...>

К нам назначен был полковым командиром флигель-адъютант, полковник, светлейший князь А. К. Ливен²⁷, до прибытия которого командовал старший в полку, полковник Я. Я. Воробьёв.

Служба наша, между тем, шла обычным порядком. По окончании ученья всем полком в сбор, в котором и я участвовал, но только на казённой лошади Муромец, — мой Брильянт не был ещё вполне объезжен, — в конце мая нас распустили на «траву».

Эскадронные командиры заблаговременно рассылают расторопных и доверенных солдат приискать и нанять сенокосные луга, с правом квартировать в тех селениях, коим те луга принадлежат. По приходе в такие селения, тотчас же расковыывают лошадей, прекращают дачу овса, а довольствуют их одной скошенной травой. Это-то и называется «стоять на траве». От корма одной травой лошади поправляются в теле, но теряют силу.

Наш эскадрон нанял луга Бронницкого уезда, в селении Старая деревня, принадлежащем г-же Наумовой. Сама помещица, вдова с тремя взрослыми дочерьми, довольно красивыми наружностью (в особенности средняя), жила в имении. Мы нашли у неё радушный приём и весело проводили время. Юнкер нашего эскадрона, Вараксин, поступивший в наш полк из пажеского корпуса, влюбился в старшую дочь Наумовой и сделал предложение. Мать приняла, и наш Вараксин катался, как сыр в масле, только что не ночевал у своей невесты. В коляске будущей тётки, запряжённой четвернёй лошадей, приезжает на ученье, и т.п.

С уходом нашим из имения и свадьба расстроилась. Причины тому — не знаю. Может быть, родители Вараксина не дали на то своего согласия, или сам жених разочаровался в своей невесте.

Во время стоянки на «траве» получены были правила новых построений полка, называемых: первый, второй и третий боевые порядки, и фланкерского ученья, причём вся команда вообще на словах заменялась сигналами на трубах. Расскажу оригинальный и вместе с тем самый действительный случай изучения солдатами сигналов. На каждый сигнал отдельно были подобраны слова, иногда в рифму, на склад песни. При утренней и вечерней уборках лошадей, когда все люди бывают в сборе, трубач играл сигналы; все словами соответствующей песни хором повторяли за звуком трубы.

Таким образом, солдаты прекрасно заучивали значение всех сигналов, и часто случалось, что на ученьях подсказывали своим офицерам что какой сигнал означает.

В то же время мне доставлены были первые пять книжек только что начавшегося тогда известного журнала «Библиотека для чтения», на который я подписался в бытность мою в последний раз в Москве у книгопродавца А. С. Ширяева. С жадностью я бросился на чтение

²⁷ Полковник Андрей Карлович Ливен (1798–1856) был назначен командиром Оренбургского уланского полка 6 декабря 1834 года.

книжеч: мне уже стала надоедать пустая, бездеятельная для ума жизнь, которую я вёл дотолё. В то время «Библиотека для чтения» была единственный журнал, по обилию и достоинству своих статей обращавших на себя внимание человека, мало-мальски получившего образование и развитого.

Таким образом, я получил возможность коротать своё однообразное время: службой, чтением и воспоминаниями «о Боге мне данной сестре», Верочке, которая, казалось, крепко засела в моём сердце. Тогда разлука действовала на меня в обратном порядке, т.е. не ослабляла а, напротив, усиливала во мне память об обожаемом предмете.

Прошло шесть недель — термин, определённый для продовольствия лошадей травой.

Как кочующие цыганы, мы сложили свои пожитки и в половине июля выступили в Москву, на общие манёвры всего корпуса. Шли обыкновенным порядком, как я уже описал, при переходе нашего полка в Коломну.

Послесловие

Романтические отношения с Верочкой Павловой развивались следующим образом. После возвращения поздней осенью 1834 года с общих манёвров под Москвой 2-й взвод корнета Н. И. Мамаева был размещён в сельце Кривякино в 25 верстах от Коломны. Всю зиму влюблённые встречались на танцевальных вечерах, которые возобновились с назначением князя А. К. Ливена командиром полка. И хотя Верочка была «постоянно окружена толпой поклонников», сам Николай был совершенно спокоен, зная, что сердце её нераздельно принадлежит ему. Идиллия эта продолжалась недолго. Верочка приглянулась ротмистру Носовичу, который начал ухаживать за хорошенькой девушкой. Не встретив взаимности, он, уязвлённый, стал «дурно отзываться» о предмете недавнего обожания. Дело дошло до дуэли между Мамаевым и Носовичем (стрелялись в доме Носовича «с восьми шагов на пистолетах»). Во время дуэли ротмистр, получив по жребию право первого выстрела, промахнулся. Мамаев же отказался стрелять, заявив: «По праву условия нашей дуэли, выстрел оставляю за собой!» Происшествие это осталось в тайне и не имело последствий ни для дуэлянтов, ни для секундантов, чему способствовал и срочный вызов полка в Москву на царский смотр (предписано следовать в «боевом порядке, усиленным маршем, без дневки»).

По окончании смотра и прибытии полка «на зимние квартиры» в Коломну свидания Верочки и Николая продолжались и в городе, и в Юренёво. Счастливые в своих чувствах молодые люди не задумывались о будущем (спустя десятилетия Мамаев признавал, что он, двадцатилетний, и «в самые упоительные минуты» свиданий не мечтал о женитьбе). Однако мать Верочки имела на Николая свои виды и желала определённости. Будучи в Москве, где Мамаев гостил у деда, она письмом пригласила его поговорить «о серьёзном деле». Во время разговора один на один (Верочке было предложено погулять в отдалении) «мамаша», выяснив, что, хотя Николай и «испытывает привязанность» к её дочери, но не собирается в скором времени связать себя женитьбой, обвинила возможного жениха

в бесчестии: «Вы завлекли девушку. Рассчитывая на вас, Вера отказывается от блестящих для неё партий». После такого объяснения отношения с Верочкой были прерваны и более не возобновлялись. А вскоре Мамаев познал страстную взаимную любовь с Alexandrine N. — молодой женщиной, выданной отцом по выгоде за жившего в Москве престарелого сенатора князя N. (их имена мемуарист оставил нераскрытыми). И скоро в «милом, умном, очаровательном» разговоре с Alexandrine юноша забыл и недавнее свидание с Верочкой, и «всю свою на неё досаду». К несчастью, «глубокую любовь» Николая и Alexandrine прервала трагедия: через год после начала тайных встреч 24-летняя княгиня N., простудившись, умерла.

*Подготовка текста, предисловие, послесловие
и примечания Нисона ВАТНИКА*